

Тимур Лукьянов

Испанский поход

рыцарский роман

*Санкт-Петербург
«Реноме»
2009*

Лукьянов Тимур Леонидович
Испанский поход. Рыцарский роман. — СПб.: Реноме, 2009.

**Сокращенная интернет-версия
предназначена исключительно для
ознакомления**

Что такое добро и зло? В чем смысл человеческой жизни? Что есть Бог? Автор высказывает свою точку зрения о тайных причинах подготовки Первого крестового похода, о движении крестоносцев, о зарождении духовных рыцарских орденов; пытается найти ответы на извечные философские вопросы.

Книга, написанная на историческом материале, на грани жанров рыцарского романа и фэнтези, переносит читателя в конец эпохи «темных веков», во Францию и Испанию 90-х годов XI века. Главный герой, молодой шампанский рыцарь, будущий основатель ордена Храма, оказывается на переднем крае противоборства вселенских сил света и тьмы. Реальные исторические события и персонажи, интриги и сражения, любовь и вера вплетены в героико-мистический сюжет этой романтической саги.

© Текст. Лукьянов Т. Л., 2009
© Иллюстрации. Нурулин Р. Б., 2009

Авторские права защищены законодательством РФ. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Щит мой в Боге,
спасающем правых сердцем
(Библия, Псалтирь, 7:11)

Пролог

Король Франции Филипп-первый Капет не представлял для графов Блуа серьезной опасности. Наполовину русский, по материнской линии внук властителя Руси великого князя киевского Ярослава Мудрого, а по отцу — внук короля Франции Роберта Благочестивого, это был человек достаточно умный, но ни мудрости, ни благочестия в нем не было.

С ранних лет, избалованный своей доброй русской матушкой, заимел он привычку много есть, и, склонный к ожирению, в зрелом возрасте он уже сделался настолько обременен массивностью своего тела, что думал по большей части о том, как бы повкуснее поесть и подольше поспать, а не о том, как и с кем следует сражаться за интересы Франции. В народе этого короля называли не иначе, как «добрым» за его круглый и добродушный внешний вид. Но каким-то особенно добрым, по сравнению с другими монархами, на самом деле Филипп не был. Скорее, был он бездеятельным, ленивым, боязливым и слабохарактерным, позволяя сначала матери, а потом, после ее смерти, второй жене руководить им.

Доброты в нем было мало, хотя бы потому, что постоянно нуждаясь в деньгах, он не стеснялся идти на всякого рода низости. Так Филипп не гнушался грабить итальянских купцов, привозивших товары во Францию, в чем его неоднократно уличал сам римский папа Григорий-седьмой, а распродажа церковных должностей сделалась для этого короля делом обычнейшим. Тот же Григорий-седьмой писал про него, что государь Франции примером своих поступков и своего поведения постоянно толкает свой народ ко злу.

Несмотря на малоподвижный образ жизни, Филипп был,

разумеется, как и, наверное, все французские короли и до, и после него, мастером интриг, и всю свою жизнь, помимо обжорства, разврата и опосредованного грабежа, только и занимался тем, что стравливал между собой тех из могущественнейших своих подданных, которых подчинить короне напрямую никак не удавалось.

Домен самого короля не был еще в то время достаточным, чтобы собрать в одиночку многочисленную армию. Поэтому королю все время приходилось лавировать, опираясь то на одного из самых сильных своих вассалов, то на другого.

На восточных границах государства у Филиппа плохо ладилась отношения с императором Священной Римской Империи Генрихом из-за постоянных споров о Бургундии и Лотарингии. На севере доставляла беспокойство Фландрия, проводящая самостоятельную политику, выгодную, скорее, Дании, нежели Франции. Единственная попытка короля вмешаться во внутренние дела Фландрии провалилась: разбитый в 1071 году при Касселе, Филипп с тех пор уже не затевал крупных походов.

На юге Франции власть короля и вовсе была слабой и ни Аквитания, ни, тем более, Тулуза почти не считались с интересами короны. А на западе долгое время король Филипп руками графа Анжу и Мена пытался сдерживать амбиции могущественного герцога Нормандского Вильгельма, добиваясь сюзеренитета над землями графства Бретань.

Вильгельм Нормандский, известный сначала как Вильгельм Незаконнорожденный, а позднее — как Вильгельм Завоеватель, когда-то нанес тяжелую обиду Капетингам. Будучи бастардом, внебрачным сыном герцога Нормандии Роберта Дьявола и Арлетты, дочери простого кожевенника, Вильгельм рос во враждебном окружении: знать постоянно насмехалась над ним, считая «неблагородным». Но еще при жизни отца

именно Вильгельм был объявлен законным наследником герцога Нормандского. Поэтому двенадцать лет после смерти Роберта Дьявола стали годами неповиновения своевольных нормандских баронов. И лишь с помощью своего сюзерена Генриха-первого Капета, короля Франции, Вильгельм подавил вспыхнувшее восстание в провинциях Бессин и Котанген. Восставшие хотели свергнуть герцога и поставить на его место правителем его родственника Гая Брионского. Но, усилив свою армию войсками короля Генриха, Вильгельм встретился с восставшими и разбил их в 1047-м году в битве при Валесдюне, около Каена. Эта победа поправила дела молодого герцога, а через год он снова присоединился к армии короля, идущей на войну с их общим врагом Джеффри Мартеллом, графом Анжуйским. И совместными усилиями анжуйцев удалось победить, несколько городов были захвачены, а в 1049 году пала одна из главных крепостей графа Анжуйского, замок Домфрон.

Однако, через несколько лет, окончательно укрепившись среди своих вассалов, неблагодарный Вильгельм повернул оружие против французской короны. Чтобы противостоять ему, Генрих-первый был вынужден объединиться с недавним своим врагом Джеффри Мартеллом. Дважды эти враги-союзники вторгались в Нормандию, но каждый раз исходом кампании была победа нормандца. В 1054-м он победил при Мортемере, а в 1058-м году разгромил французов при Варавилле на реке Дайв. Вскоре после поражения при Варавилле король франков Генрих-первый умер, а сама королевская власть ослабла чрезвычайно.

И не удивительно, что сын Генриха-первого Капета король Филипп, не будучи в состоянии организовать серьезную войну против ставшего слишком могущественным герцога, пытался ему мелко мстить за позор отца. Но Вильгельм

Незаконнорожденный к тому времени, разгромив короля саксов Гарольда и получив по праву прозвище «Завоеватель», к своей герцогской короне добавил еще и королевскую корону Англии, и домогательства Филиппа теперь мешали ему не более, чем комариные укусы. И все же, стычки на границах с Нормандией не прекращались.

В 1076 году французский король поддержал Роберта-второго, сына Вильгельма, восставшего против своего отца. Правда, и это не помогло: восстание было подавлено, а Роберт лишен наследства. Но Филипп не успокоился. Подстрекаемые королем Франции, при посредничестве графа Анжуйского, жители приграничных городов то и дело устраивали мятежи против Вильгельма. В 1087 году герцог пересек границу французской провинции Вексен, чтобы отомстить за набеги, совершаемые французами на земли герцогства. Рыцари Вильгельма взяли штурмом и сожгли дотла небольшой городок Мант. Но когда сам Вильгельм въехал на пепелище, чтобы осмотреть еще пылающие руины, его конь неожиданно взбесился и сбросил всадника прямо в горящие угли, и через несколько дней главный противник короля Франции умер в страданиях от ожогов и увечий, чему Филипп был несказанно рад и в чем видел Провидение Господне.

Избавившись, волею случая, от Вильгельма, Филипп воспрял духом и единственный раз в жизни решился на действительно серьезный поступок. В 1092 году король расторг свой брак с Бертой Голландской, матерью его пятерых детей, и сослал несчастную в монастырь, где бедняжка умерла от тоски, не прожив и двух лет. Покончив, таким образом, со своим законным браком, Филипп, при посредничестве графа Стефана Блуа, вероломно соблазнил и выкрал жену у своего ближайшего друга и союзника Фалька, графа Анжуйского, сына Джеффри Мартелла. Сама же Бертрана де Монфор, пожалуй, не имела

ничего против того, что ее похитили у законного мужа: она давно уже была близко знакома с королем, и находила его очень милым. Фальк Анжуйский, напротив, будучи весьма недоволен тем, что король нагло увел у него жену, пытался пойти на Филиппа войной и просил о помощи своего сильного соседа, графа Стефана Блуа, но тот не поддержал Фалька, предпочитая не вмешиваться в конфликт. Впрочем, когда сама Бертрана помирила короля с графом, пригласив бывшего мужа на обед в королевский дворец, Филипп тут же снова «подружился» с графом Анжуйским теперь уже против Вильгельма Рыжего, второго сына и наследника Вильгельма Завоевателя.

Занятый своими интригами против нормандского герцогства, Филипп, этот толстый король, казалось бы, не проявлял никакого интереса ко всему остальному, происходящему в землях Франции. Но так всего лишь казалось. На самом деле, Филипп внимательно наблюдал за всем, происходящим в его королевстве, и полнота его в этом никак ему не мешала, поскольку управлял ситуацией он опосредованно, незаметно рассылая верных людей в разные части страны, внедряя шпионов в окружение крупнейших вассалов короны и действуя где-то угрозами, а где-то подкупам.

Глава 1. Люди короля

Через неделю после всех пасхальных торжеств, как обычно, с плотно набитым едой ртом, хотя время обеда давно прошло, а до ужина было еще далеко, сидел Филипп в трапезной королевского дворца в парижском Сите, сидел полулежа, обложенный со всех сторон большими мягкими подушками в огромном резном кресле. Рядом с ним, по правую руку, в кресле не меньшего размера и тоже наполовину лежа в подушках,

находилась его молодая супруга Бертрана де Монфор, с которой он, вопреки воле римского папы, благополучно обвенчался с помощью епископа Парижского.

Дородные супруги, а Бертрана любила поесть никак не меньше, чем ее новый муж, ели пироги с дичью, запивая их белым шампанским вином последнего разлива. За трапезой, насколько позволяли им их плотно набитые едой рты, королевская чета вела разговор с Ивом, аббатом Сен-Дени и тайным советником короля, сидящим от монарха слева и тоже принимающим деятельное участие в поглощении пищи.

Аббатство Сен-Дени было воистину святым местом. По старой легенде, сюда, со своей отрубленной головой в руках, пришел с Монмартра первый епископ Парижа святой Дионисий, казненный врагами христианской веры. Волоча за собой свою кровоточащую голову, он, как уверяют, прошел больше трех миль, чтобы упокоиться навечно именно здесь. Еще в 475 году, с благословения святой Женевьевы над гробницей Дионисия построили первую базилику, при которой король Дагобер-первый учредил аббатство Сен-Дени, где хоронили королей династии Меровингов. Со временем монастырь передали бенедиктинцам, базилика была перестроена и стала главным храмом монастыря. Сам Пепин Короткий, отец императора Карла Великого, был коронован в Сен-Дени в 754 году как король франков. Здесь же был погребен и внук Карла Великого, император Карл Лысый. Но даже такая святость старинного монастыря не остановила короля Филиппа-первого перед соблазном симонии¹, когда он, без зазрения совести, выгодно запродавал должность настоятеля аббатства духовнику своей любимой Бертраны де Монфор: Филипп-первый всегда с удовольствием пользовался правом инвеституры², которое приносило ему немалый доход.

Аббат Ив был весьма хорошо образован, но пользовался

дурной славой не только в кругах церковных, а и в народе. Все знали, что должность настоятеля Сен-Дени была им куплена. Но прошлое аббата было темным. Никто с уверенностью не мог сказать, даже, как его точно звали до вступления в сан. Люди говорили о нем, что нажил он свои деньги, начав с грабежей на дорогах. А еще говорили, что за высокими стенами в своем аббатстве, больше напоминающем королевский склеп, устраивает Ив кровавые оргии и служит не Богу, а Сатане. Как бы там ни было, должность свою этот человек приобрел за весьма хорошую плату через Бертрану де Монфор, и уже при ее посредничестве приблизился к королю. Бертрана, будучи женщиной суеверной, всегда придавала большое значение всевозможным гаданиям, приметам и толкованиям снов, а Ив Сен-Дени как раз по этой части считался знатоком непревзойденным, потому что на самом деле аббат Ив был астрологом и алхимиком. С его приходом в аббатство, монахи из Сен-Дени, сидящие раньше безвылазно в своем аббатстве, ни с того, ни с сего зачастили в паломничества по святым местам, и не стало теперь в центральной Франции такого места, где бы этих монахов нельзя было встретить, ибо не случайно говорили в народе, что есть они глаза и уши короля.

Внешне же аббат Сен-Дени выглядел человеком любезным и обходительным, или, скорее, хотел таковым казаться, но иногда из-под этой маски все же проглядывала его истинная сущность.

— Какое все-таки прекрасное вино делают в Шампани! — Нахваливал король светлый напиток, глядя в свою большую, серебряную с золотом чашу удивительной выделки, привезенную когда-то вместе с другим приданным юной королевы из далекого Киева, и подаренной Анной-Ярославной ему, своему любимому дитяти вместе с другими красивыми вещами русской и византийской работы на день коронации. Теперь же, эта драгоценная чаша была еще более дорога

Филиппу, как память об умершей матери.

— Да, вино восхитительно, — поддерживал короля аббат Ив, — жаль только, что граф Шампанский в последнее время мало его присылает в Париж. Видно, не все так хорошо у нас по соседству, ваше величество.

— С чего вы решили, что с графом Шампанским что-то нехорошо? Что с ним может быть плохо? Насколько я знаю, он еще очень молод и здоров, — продолжая жевать, произнес король.

— Не о его здоровье речь, ваше величество. Просто, как мне кажется, в Шампани плетутся какие-то козни, — сказал Ив.

— Вряд ли, аббат. Ну, на что графу Гуго, так, кажется, зовут младшего брата нашего друга Стефана Блуасского, строить козни? А вина стало меньше, просто оттого, что все последние годы не выдались урожайными, что уж тут поделаешь! Правитель Шампани давно уже ни с кем не воюет. Сидит себе спокойно этот Гуго в своем тихом Труа, и пусть сидит, — произнес король, запивая очередной кусок пирога шампанским.

— Это-то и настораживает, ваше величество. Чего этот молодой граф так тихо сидит? Как-то даже странно. Вы знаете, наша монастырская братия иногда выходит за пределы обители, чтобы поклониться святым местам, и по дороге слышит, что говорят в народе, — произнес аббат.

— И что говорят? — поинтересовался король, продолжая жевать.

— Говорят, например, что на эту Пасху в Труа приезжал лотарингский герцог Готфрид Бульонский со своим родственником епископом Лютехским, и что в столице Шампани устроили большой турнир в их честь, и что ваш друг граф Стефан тоже был там, — сказал священнослужитель.

— Ну и что? Я знаю, Стефан мне говорил еще зимой, что

при посредничестве своего младшего брата он постарается уладить вопрос о нейтралитете с Лотарингией, чтобы она не подумала двинуться на нас с востока, пока мы на западе возимся с нормандцами, а на севере граф Фландрский при поддержке датчан все время мутит воду. Герцог Нижнелотарингский как раз сильно смягчился за последнее время, и теперь с ним сделалось возможным разговаривать, а раньше он был настолько воинственным, что и подойти-то было страшно. А заставы младшего брата Стефана Блуа как раз вместе с нашими отрядами охраняют границу с этим герцогством. И знаете, аббат, как мне сразу после Пасхи написал Стефан, на встрече с герцогом все удалось уладить, — сказал король, протягивая руку к следующему пирожку.

— Но почему они не могли провести эту встречу, например, в Реймсе, не так далеко от границы и в присутствии верного вам архиепископа? Зачем понадобилось приглашать этого кровавого герцога Бульонского так далеко вглубь страны? А вдруг бы он начал грабить окрестные селения? — озабоченно произнес настоятель Сен-Дени.

— Наверное, аббат, Стефану так было удобнее. Не самому же ему, в самом деле, к этому опасному герцогу ехать, — прочавкал Филипп.

— А еще, ваше величество, наша монастырская братия слышала, что перед этой Пасхой в Труа состоялось некое собрание неких людей. Довольно странное собрание, — сказал Ив.

— Пожалуй, аббат, за стенами вашей обители осведомлены лучше, чем у нас при дворе. Ни о каком странном собрании я ничего не слышал. Так о чем там шла речь? — спросил король.

— Это и неизвестно. Но само собрание состоялось во дворце графа в Труа, это засвидетельствовано достоверно. И доступ туда хорошо охранялся, — сказал аббат.

— И вы не догадываетесь, о чем говорили там? — спросил король.

— Нет, ваше величество. Туда не допускали посторонних, даже монахов. Я смею только предполагать. Потому я и сказал вам, что в Шампани, возможно, что-то замышляется, и мой долг обязывает меня предупредить вас, — поведал Ив.

— И что же все-таки, по-вашему, может там замышляться? — король уже казался заинтересованным.

— Братья из нашего аббатства видели там много северян, в том числе и из Фландрии, много еретиков и людей с юга, прикладывающих руку к сердцу и произносящих при встрече имя Спасителя. Говорят, что всем этим заправляет какой-то человек, именующий себя аббатом Мори, который прибыл, якобы, из Святой Земли, не так давно появился в окружении графа Гуго и сильно влияет на него. Не зреет ли там заговор, ваше величество? — вкрадчиво произнес настоятель Сен-Дени.

— Какой еще заговор? — недоверчиво спросил король.

— Ну, скажем, не заключили ли эти графы Блуа за вашей спиной тайный союз с Готфридом, Фландрией и с Тулузой против вас? — провозгласил Ив.

— Да неужели мой друг Стефан пойдет на такое? — произнес король, перестав жевать. Выглядел он растеряно. Маленькие свинячьи глазки его быстро моргали.

— Как учит нас история, друзей и ближайших родственников надо более всего опасаться, ваше величество, — назидательным тоном заговорил аббат, — Каин был братом Авеля, а Брут был другом Цезаря. И вспомните, отец Стефана граф Тибо, и, тем более, его дед Эд, уже выступали с оружием в руках против французской короны. А ведь и Стефан сейчас силен. У него триста крепостей, а у вас, ваше величество, и двухсот не наберется.

— Но, даже если он и решится на подобную подлость, чему

я поверить, уж, никак не могу, неужели же Фландрия и Тулуза поддержат его? И, не понимаю, какой интерес во всем этом может быть для герцога Готфрида? — воскликнул король, откладывая на место очередной пирожок с дичью, который хотел было отправить в рот.

— А почему бы Фландрии и Тулузе не поддержать Стефана? Роберт Фландрский, хоть далеко не так богат и мощен, как граф Стефан, но давно уже ведет себя более как вассал датского короля, нежели как ваш подданный. Его дружинники свирепствуют в северных землях, разоряя мелких соседей. Чего стоят одни только тайные дела графа Роберта с Византией за вашей спиной! Кто дал ему право подружиться с схизматиками? Уже не один год ведет он переписку с Алексеем Комниным. Больше того, этот граф посылает на службу к василевсу³ своих рыцарей! А это, само по себе, уже предательство короны Франции и всего дела святой Римской церкви. А если говорить о графе Тулузском, то это человек еще более опасный. Крепостей у него только немногим меньше, чем у Стефана, но зато какие это крепости! Один лишь Каркассон стоит десятка обычных замков. К тому же, кроме крепостей, Раймунд Тулузский недавно собрал армию в тридцать тысяч копий и пока держит ее при себе. Но, без сомнения, его армия долго не будет сидеть без дела. Граф Раймунд и так уже подчинил и обложил данью почти всех своих соседей и, уверяю вас, сир, он на этом не остановится. Жажда власти погонит его дальше. Возможно, на восток, а, может быть, и сюда, на север. Что же касается привлечения ко всему этому герцога Готфрида Нижнелотарингского, то он — это же прямой выход на императора Германии Генриха. И в самом деле, почему бы заговорщикам ни заручиться поддержкой немца, скажем, в обмен на герцогство Бургундское, в случае успеха их заговора? — продолжал запугивать монарха аббат.

Выслушав все это, король Франции побледнел и вовсе позабыл о еде.

— До беседы с вами я, признаться, и не задумывался, что подобный расклад возможен. Неужели же все так серьезно? И что же вы предлагаете? — промямлил Филипп, опустив глаза.

— Ничего, ваше величество. Пока ничего. Возможно, дело не зашло еще далеко. Нужно просто повнимательней присмотреть за ними, чтобы выяснить, кто такой этот аббат Мори, что связывает Труа с Фландрией, с герцогом Готфридом и с Тулузой. Вот пока и все, — сказал аббат.

— Так пошлите туда своих монахов, — предложил король.

— Монахи уже увидели то, что смогли увидеть, ваше величество. Увы, наших монахов пускают не всюду. Например, во дворец графа Шампанского им не проникнуть. А посему, хорошо бы послать для сбора сведений кого-нибудь посерьезней, кого-нибудь облеченного властью, какой-то, скажем, небольшой отряд доблестных рыцарей, людей короля, преданных и наделенных определенными полномочиями, способных перехватить гонцов графа Шампанского и допросить их, либо проследить за ними, либо, в случае опасности для вашего величества, задержать их или даже уничтожить. Короче говоря, нужно послать людей решительных и способных вашим именем навести порядок, — сказал Ив.

— Хорошо, аббат, мы с королем подумаем над всем этим, а вы идите. Мне что-то хочется лечь в постель, — вмешалась в беседу, молчавшая до этого, Бертрана де Монфор. Ей давно уже весь этот разговор наскучил, и одолела зевота. К тому же, она действительно чувствовала себя неважно, поскольку ожидала уже младенца от Филиппа. Самым бесцеремонным образом она растолкала короля и подняла его с кресла. И под ручку эти два пухлых существа, король и королева, побрели в спальню.

Но король не забыл о том разговоре с аббатом Сен-Дени, и

уже через два дня небольшой отряд всадников выехал в сторону Труа из ворот Парижа. Впереди ехал могучий седеющий рыцарь в темно-синем плаще с вышитой на левой стороне груди золотой лилией, знаком французского королевского дома. За ним следовали семь всадников в таких же темно-синих плащах, но без всяких знаков, а сзади них под черным плащом с капюшоном на каурой кобыле скакал священник.

Ехавшего впереди рыцаря звали Александр де Ретель, и он носил титул барона. А последнего всадника звали Эдуард Пиоре, и носил он звание дьякона. Первый происходил из старинного французского рода по матери и из не менее славного русского рода по отцу. Отец его прибыл во Францию из Киева в качестве одного из дружинников великого князя Ярослава Мудрого, сопровождавших приданное молодой княжны Анны Ярославны, да так и остался во Франции, служа верой и правдой ее величеству королеве. За эту службу ему от короны был пожалован титул барона. И теперь сын продолжал традиции отца, являясь преданнейшим слугой любимого сына королевы Анны — его величества короля Филиппа.

Происхождение Эдуарда Пиоре было, напротив, неясным и темным, как и многое в окружении нового настоятеля Сен-Дени, поскольку Эдуард был тайным слугой аббата Ива и своим положением был обязан только ему.

Аббат Сен-Дени сказал королю Филиппу не все. Незадолго перед их разговором в парижском Сите, глубокой ночью, аббат Ив, уединившись и наглухо заперев двери, сидел в своей комнате на самом верху Северной башни⁴ вверенного ему аббатства. Братия монастыря считала, что их настоятель молится, но он не молился. Его комната, расположенная вдали от других жилых помещений монастыря, и отгороженная тремя, расположенными друг за другом и надежно запирающимися

дверями, и крутой винтовой лестницей, не была кельей или молельней. Скорее, чем-то напоминала она библиотеку, потому что книги и свитки пергамента лежали повсюду внутри этого довольно просторного небольшого зала, а на стенах висели астрологические таблицы и карты, испещренные странными значками и линиями. Но и библиотекой эта комната не была в полном смысле, поскольку помимо старинных свитков и инкунабул⁵, некоторые из которых являли собою жалкое зрелище, нещадно пострадав от времени, здесь находилась масса других предметов. Черепа и кости людей и животных, куски различных минералов, странной формы светильники и сосуды, ступки и тигли, какие-то инструменты, кузнечные меха и наковальня, жаровня и угли и маленькая плавильная печь в углу. Хозяин комнаты не даром слыл алхимиком.

Аббат Ив смотрел в большой прозрачный кристалл горного хрусталя, освещенный пламенем свечи. И это пламя, преломляясь и отражаясь в глубине хрусталя, постепенно росло и принимало отчетливую форму. Повелитель темного пламени снова возник перед Ивом. Голос Повелителя был низким и хриплым, но никто, кроме аббата, не слышал его, ибо звучал он не из глубин хрустального кристалла, а раздавался прямо внутри головы самого аббата, и никуда не деться было ему от этого страшного голоса:

— Время приходит. Пора. Пойди и возьми то, что принадлежит нам по праву. Но сначала убери с дороги врагов. Действуй руками короля.

Глава 2. Убийство на дороге

...Командир отряда Гуго де Пейн вел всадников осторожно, стараясь в точности следовать указаниям графа Шампанского. С помощью проводников заставы и замки, во избежание

лишних вопросов, по возможности, старательно обходили стороной.

Оба проводника умели находить стороны света по звездам, по солнцу и даже по коре деревьев. Но больше всех удивляли способности монаха. Когда оба проводника сбивались с пути, теряя тропу в лесной чаще, брат Адамус останавливался, на миг закрывал глаза и указывал верное направление своим посохом. И пока он ни разу не ошибся.

Города они обходили, а в деревни заходили лишь изредка, и то только для того, чтобы как следует накормить лошадей и пополнить припасы. В полдень шампанские рыцари делали привал и давали коням небольшой отдых, с наступлением темноты разбивали лагерь, выставляли караул и ужинали, с первыми проблесками рассвета завтракали, сворачивали лагерь и ехали дальше. Встречающиеся на пути небольшие сторожевые разъезды местных мелких властителей, видя перед собой многочисленных и хорошо вооруженных рыцарей, пропускали отряд без лишних пререканий, а волки и разбойники разбежались, едва лишь завидев их.

Неприятности начались возле Шалона. По дороге, в лесу, Хромой Джек, ехавший впереди всех, заметил сквозь ветви придорожного кустарника что-то подозрительное. Немедленно оруженосец спешил и решил проверить, что же там скрывается за кустами. Почки на ветках давно полопались, но листва еще только пробивалась, позволяя видеть сквозь заросли подлеска. Через мгновение обнаружилось, что в кустах лежит мертвый гнедой рыцарский конь. Он был под седлом, но без седока.

Мертвого коня внимательно осмотрели. В боку коня, под ребрами, торчали две стрелы, добротные сделанные тисовые дорогие стрелы с хорошим оперением. Конь потерял много

крови и умер. Судя по клейму и седлу, он происходил из конюшен графа Шампанского. Один из оруженосцев узнал коня по форме небольшого белого пятна на лбу. Сомнений не было: коня звали Росселин, и принадлежал он Бертольду, оруженосцу рыцаря Амбруаза де Руже, того самого рыцаря, который был послан графом Шампанским в Шалон, чтобы подготовить припасы и свежих коней для отряда. Похоже было на то, что конь уже довольно долгое время лежал в зарослях там, где его нашли. Теперь предстояло понять, кто же виновник его гибели? И где владелец коня, не случилось ли и с ним страшное? Первой напрашивалась мысль о лесных разбойниках.

Отряд остановился. С мертвого коня сняли седло и уздечку. Гуго де Пейн приказал воинам надеть шлемы и прочесать местность вокруг. На влажной весенней земле хорошо отпечатались следы коня, и несколько рыцарей и оруженосцев во главе с де Пейном двинулись по этим следам. Следы привели за поворот дороги, примерно на полмили впереди от того места, где нашли труп коня.

Здесь, похоже, не так давно произошла схватка. Земля была истоптана, а, поскольку дорога тут шла по дну небольшого овражка, все следы долгое время оставались хорошо видны на влажном суглинке, тем более, что ездили по этой дороге нечасто, а дождей несколько последних дней не было. Склоны овражка густо заросли ельником. Чуть дальше у оврага имелось достаточно широкое ответвление, ведущее в лесную чащу. «Прекрасное место для засады», — отметил про себя Гуго де Пейн.

— Несколько лошадей здесь встретились, — сказал Хромой Джек, внимательно осматривая землю, — судя по следам, двое всадников ехали по дороге в сторону Шалона, без сомнения, у одного из них был тот самый конь, которого я нашел, видите на отпечатке правого переднего копыта маленькую щербинку?

На этом коне ехал оруженосец: он следовал позади второго коня, покрупнее, скорее всего, того коня, на котором ехал сам де Руже. Трое других всадников выехали из леса навстречу двум всадникам, еще четверо догоняли их сзади. Вот здесь они дрались, видимо, на мечах, потому что съехались очень близко. Потом те четверо подскакали сзади и, похоже, ведомого всадника, то есть оруженосца Амбруаза де Руже, сбросили с коня. Вот, видите эту вмятину, следы ладони и пятна крови? Он упал, будучи раненым. Кстати, и еще один упал с коня вон там, но приподнялся, опершись на левую руку. Вот и следы его сапог. Он встал на ноги. Но и кровь там возле следов есть. Видно, Амбруаз все же кого-то порезал, но не слишком сильно, раз упавший поднялся. Дальше следов сапог нет, видимо, упавших посадили на коней, и увезли. Следы всех лошадей, кроме коня оруженосца де Руже, уходят в глубь леса.

— Так, может быть, оруженосец де Руже все же вырвался из засады и ускакал? — спросил Гуго де Пейн с надеждой.

— Нет, его конь ускакал без седока. Посмотрите, мессир, отпечатки копыт уже гораздо менее вдавленные. Гнаться за ним не стали, но, видимо, в след ему пустили те самые стрелы, что торчали из его бока. Конь поскакал обратно по дороге, но вскоре обессилел и за поворотом свалился в придорожные кусты, — сказал следопыт.

— С конем все ясно, но что тогда случилось с оруженосцем и с самим Амбруазом? Этот рыцарь мой родственник, троюродный брат. Он отважный боец, но если с ним сделали что-то плохое, я найду тех людей, и они ответят. Я хочу знать, что с ним, — встрял в разговор встревоженный Эндрю де Бов.

— Тогда немедленно поезжайте вот по этим следам, мессир, — сказал Хромой Джек, и все рыцари тронули коней.

Через некоторое время по следам лошадей они выехали на небольшую лесную полянку. Страшное зрелище ждало их там.

На дереве под ветром раскачивался, подвешенный вниз головой, труп светловолосого мужчины. Горло бедняги было перерезано. Перед смертью этого человека жестоко пытали. Рядом виднелись остатки костра: несчастного мучили каленым железом. Несколько человек сразу узнали повешенного, несмотря на все ужасные раны, покрывающие голое, посиневшее, обескровленное тело. Это был Амбруаз де Руже.

— Клянусь всеми святыми апостолами, кто бы это ни сделал, он умрет не менее страшно! — вскричал Эндрю де Бов, увидев печальную участь своего родича. Он подъехал к убитому, перерезал кинжалом веревку и спустил тело с дерева. Все остальные спешили вокруг, молча сняли шлемы и перекрестились.

— Теперь будьте осторожны вдвойне, Гуго, ибо тьма взяла наш след, — прошептал брат Адамус, стоящий рядом с де Пейном.

— У вас есть какие-то подозрения? — тихо спросил монаха де Пейн.

— Пока нет. Но я явственно ощущаю печать мрака на этом месте. Недавно один из слуг дьявола побывал здесь. И, судя по всему, наши враги, кем бы они ни оказались, серьезно настроены, — произнес старик, и от этих слов де Пейну стало не по себе, он даже поежился под теплым гамбизоном от внезапного холодка, пробежавшего по спине. Хорошо еще, что другие рыцари не слышали слов монаха.

— А можете ли вы еще что-нибудь сказать об убийцах, брат Адамус? — спросил рыцарь.

— Почти ничего. Все тончайшие следы стертые серым туманом, а это говорит о том, что тот, кто побывал здесь, обладает силой воздействия на тонкие материи. И сила его темна, — сказал монах.

— Но почему вы сказали, что тьма взяла наш след? Вы

уверены, что эти всадники выслеживают именно нас? Может быть, это просто лесные разбойники, — произнес Гуго.

— Я хотел бы, чтобы это было не так, но, случайностей не бывает на наших путях, мой юный друг, — тихо промолвил монах.

— Но, зачем же они нас ищут? — спросил де Пейн.

— Чтобы помешать нашему делу. Думаю, их послали специально для этого, — медленно проговорил Адамус.

— И кто же их послал, по-вашему? — снова задал вопрос командир отряда.

— Хотел бы я знать, добрый рыцарь, но не знаю. Мне ясно только одно — это опасные враги, и тот, кто послал их, еще более грозный враг, и мы обязаны остановить приспешников Сатаны, — проговорил капеллан⁶ негромко, но глаза его сверкнули решимостью.

Тем временем, из лесу донеслись возбужденные голоса: неподалеку в кустах нашли убитого оруженосца Бертольда с кинжальной раной под левой лопаткой. Мертвых завернули в, найденные здесь же, их собственные синие плащи, и решили везти в Шалон, чтобы там похоронить достойно. Шампанские рыцари прочесали весь лес по обе стороны от дороги вглубь на целую милю, но больше ничего не обнаружили. Оружие, доспехи и боевого коня Амбруаза де Руже убийцы забрали с собой. Следы их терялись на берегу небольшого ручья. Похоже было, что дальше, чтобы скрыть следы, убийцы, словно предчувствуя погоню, пустили коней по мелкой воде. Несмотря на настойчивые просьбы де Бова и нескольких его ближайших товарищей, Гуго де Пейн прекратил преследование. Нельзя было терять время, ведь теперь в Шалоне им предстояло самим со всеми договариваться и покупать припасы, да и убийцы, наверняка, уже ушли слишком далеко: судя по состоянию тел погибших, с момента убийства прошло не меньше двух дней.

Всю оставшуюся часть пути в Шалон командир отряда и капеллан ехали впереди. Они молчали, слушая, как позади, негромко переговариваясь, рыцари строили догадки, что же случилось с де Руже и его оруженосцем. Возможно, на дороге они стали жертвой разбойников. Но тогда почему разбойники не взяли ни их дорогие плащи, ни не менее дорогую сбрую убитого коня? И зачем этого благородного коня убили, вместо того, чтобы поймать и продать за хорошие деньги? В то же время, все оружие у рыцаря и оруженосца забрали. Рыцарского коня тоже увели. Какие-то странные разбойники. Да и, обычно, разбойники не ездят на конях и не сражаются в ближнем бою на мечях, а прячутся пешими в засадах за придорожными кустами и деревьями и стреляют в жертву из луков, а затем, перегородив дорогу раненому, добивают дубьем или топорами. А здесь, похоже, действовали рыцари, но какие же рыцари нападают с двух сторон сразу, да еще и всемером на двоих, и колют противников в спину? Разве же это рыцари? Хотя, конечно, рыцари-разбойники вроде Бертрана де Бовуар тоже не редкость. Но с чего бы каким бы то ни было разбойникам зверски пытать свою жертву? Неужели им было мало тех денег, которые погибший вез с собой, чтобы купить припасы и свежих лошадей в Шалоне? Ведь ясно, что Амбруаз де Руже не был купцом и не прятал золота по тайникам. Может, это кровная месть? Но кто мог знать, что Руже поедет по этой дороге? Шампанские воины терялись в догадках. Слишком многое в этом деле оставалось неясным. Поняв это, дружинники постепенно прекратили все пересуды.

Вопреки ожиданиям, сбор сведений о том, что же на самом деле замышляет Шампанский граф и как это касается короля Франции, продвигался с большим трудом. В качестве первого успеха людям короля удалось подкупить шамбеллана⁷ графа

Шампанского и выяснить, что какую-то тайную игру этот граф все же ведет, и при его дворе существует некий узкий круг лиц, которые и принимают все тайные решения вместе с самим графом.

И хотя проникнуть в этот круг для постороннего не имелось никакой возможности, но с помощью все того же шамбеллана, людям короля удалось хотя бы точно определить этот круг. В него действительно входили всего несколько человек. То были: оруженосец по прозвищу Молчаливый Анри, он же цирюльник и виночерпий молодого графа; капитан городской стражи Труа Андре де Монбар; рыцарь для особых поручений Амбруаз де Руже; еще один рыцарь для особых поручений, совсем недавно поступивший на службу, некто Гуго из Пейна; и духовный наставник графа, капеллан при графском дворе, некий аббат Мори, прибывший в Труа чуть больше года назад, по слухам, из Святой Земли.

Ни сенешаль⁸, ни коннетабль⁹, ни сам шамбеллан в ближайший круг особо доверенных лиц графа не входили, что само по себе уже настораживало. Какой-то заговор явно зрел при дворе графа. Но что конкретно готовилось, понять пока не представлялось возможным. Барон де Ретель понимал, что необходимо каким-то образом раздобыть сведения из первых рук, то есть из этого самого ближнего круга правителя Шампани. Сделать же это было весьма затруднительно.

Людям короля помог случай. За Амбруазом де Руже они следили от самого Труа. Продажный шамбеллан предупредил их, что граф зачем-то отправляет этого рыцаря в Шалон. Люди короля подсаживались к Амбруазу в придорожных трактирах, подслушивали его разговоры с собственным оруженосцем, но все было тщетно. В пути ничего узнать так и не удалось, а Шалон, между тем, был уже близко. И тогда они решились перехватить рыцаря, устроив засаду в узком месте дороги.

Место в овраге казалось подходящим: во всяком случае, свидетелей здесь можно было не опасаться.

Когда де Руже и его оруженосец выехали из-за поворота, три всадника перегородили им дорогу, а еще четверо выступили из придорожных зарослей позади шампанцев.

— Не бойтесь, Амбруаз, мы не причиним вам вреда, — обратился к рыцарю барон де Ретель, выехав навстречу и подняв правую руку в знак приветствия.

— Я не из пугливых, но откуда вы знаете мое имя, кто вы такие и чего вам надо? — настороженно спросил де Руже, положив руку на рукоять меча.

— Меня зовут барон Александр де Ретель. И я представляю интересы короля Франции, — провозгласил могучий рыцарь с лилией на груди, вышитой золотом на темно-синей ткани плаща.

— И чего же хочет от меня король? — спросил Амбруаз, не особенно торопясь отпустить рукоять своего клинка.

— Нам кажется, что вы располагаете кое-какими сведениями, важными для безопасности короны, — сказал королевский посланник.

— Это какими же? — Амбруаз еще более насторожился.

— Надеюсь, вы сами расскажете нам, — произнес барон де Ретель, лукаво улыбнувшись.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, вы хотите оскорбить меня, барон? — с вызовом произнес рыцарь графа Шампанского, на одну треть вытащив лезвие меча из ножен. Недобро сверкнула сталь.

— Я ни коим образом не хочу задеть вашу честь, шевалье. Скажите лишь, зачем вы едете в Шалон? — задал вопрос де Ретель.

— Я выполняю поручение своего сюзерена, и ни к вам, сир, ни к нашему королю, да будет он здоров, моя поездка не

имеет отношения, — сказал шампанец.

— И все же, я хочу знать, что это за поручение, шевалье, — продолжал настаивать барон.

— Я не разглашаю таких вещей, — отрезал де Руже, нахмурившись.

— Понимаю. Но мы хорошо заплатим, — предложил королевский рыцарь, но сразу понял, что сказал лишнее: голубые глаза шампанца словно подернулись льдом, а клинок его тут же вылетел из ножен.

— Вы что, барон, за проститутку меня принимаете? Я не продаю секреты своего сюзерена. Лучше уйдите с дороги! — вскипел шампанский рыцарь и, подняв меч, дал коню шпоры.

— Остановитесь! Уберите оружие! Никто не желает вас оскорбить. Мы просто хотим с вами договориться! — прокричал барон, загоразивая дорогу шампанскому всаднику своим конем.

— Мне не о чем говорить с вами, хотя бы потому, что вас семеро, а нас только двое. Дайте дорогу! За мной, мой верный оруженосец! — выкрикнул де Руже, размахивая мечом. Этот рыцарь не первый раз попадал в подобные засады, и расклад двое против семи отнюдь не казался ему безнадежным. Будучи высокого роста и могучего телосложения, он привык полагаться в качестве защитной меры на атаку. И сейчас он полагал, что сможет прорваться.

Но люди короля не собирались их пропускать, продолжая загоразивать узкий проезд. И тогда де Руже первым нанес удар. Сталь длинного клинка просвистела в воздухе и рассекла темно-синий плащ барона, не задев, правда, его самого, поскольку в последний момент де Ретель уклонился от удара, резко пригнувшись к гриве коня. Иначе он рисковал остаться без головы.

Кони королевского отряда попятились и заржали, всадники выхватили оружие. Шампанский рыцарь снова взмахнул

мечом, надеясь прорваться. Кто-то из людей барона вскрикнул и упал с лошади.

— Взять их! — отдал команду барон. И на шампанцев наскочили одновременно со всех сторон. Засверкали отточенные клинки, зазвенела сталь.

Рыцарь графа Шампанского и его оруженосец не спешили сдаваться. Они яростно отбивались. Прежде, чем погибнуть, шампанцы намеревались забрать с собой в лучший мир добрую половину нападающих. Но люди барона не собирались соблюдать правила чести. Пронзенный в спину тонким кинжалом сквозь кольчугу, повалился с коня оруженосец шампанского рыцаря, а самого рыцаря окружили и, зажав щитами со всех сторон, выбили из его рук оружие: в отряде барона были только самые сильные и опытные бойцы.

— Теперь вы наш пленник, Амбруаз. Вы не хотели разговаривать по-хорошему, так теперь придется поговорить по-плохому, — сказал барон захваченному шампанцу, и приказал своим людям:

— Связать его!

И Амбруаза действительно связали, а страшные следы учиненных затем над пленником издевательств были обнаружены шампанским отрядом...

В скорбном молчании в послеобеденное время подъехали шампанцы к Шалону. Городок окружал широкий ров, а за рвом на земляном валу — частокол из вкопанных в землю заостренных бревен, торчащих вверх на полтора человеческого роста. Частокол издалека выглядел грозно, но, на самом деле, был он гнилым и старым, ров местами сильно обмелел, а мутная вода в нем застоялась и пахла болотом. Дальше за частоколом виднелись несколько крыш, еще одна стена из камня и высокий каменный донжон замка. Там, за оградой, около самой воды

находился маленький городок на берегу реки Соны.

Подъемный мост через ров со стороны города был опущен. Путь путникам от дороги к мосту преграждал только барбакан, представляющий собою довольно высокую сторожевую башню с воротами возле нее и с куском крепостной стены, грубо сложенной из камня и расположенной так, что оба ее конца заканчивались на середине рва, и вода окружала их со всех сторон, делая обход предвратного укрепления вокруг невозможным без купания во рву.

На расстоянии чуть больше полета стрелы от превратного укрепления Гуго де Пейн приказал отряду остановиться. Сам он выехал вперед, но несколько рыцарей, нарушая его приказ, все же последовали за ним. Перед барбаканом Гуго затрубил в рог. Почти тотчас с башни над воротами их окликнули.

— Эй, кто вы такие, и что вам нужно в Шалоне? Почему вы пришли сюда вооруженными? — прокричал сверху стражник в начищенном шлеме, высунувшийся из-за каменного зубца. По-видимому, начальник караула. Гуго заметил, как по обеим сторонам от него между зубцов ограждения караульной площадки четверо лучников натянули свои луки.

— Мы рыцари из Шампани и везем письмо к монсьеюру кастеляну де Бресси от графа Шампанского, — закричали сразу несколько голосов.

— Что-то многовато гонцов. Я не могу пустить вас в город, — прокричал страж.

— Эй, ты, на башне! Кончай разговоры! Мы пришли в Шалон с миром, как добрые соседи, но недалеко отсюда убили двух наших товарищей, рыцаря и оруженосца, и мы хотим разобраться с этим. Так что не испытывай наше терпение, открывай ворота, братец, пока мы не разнесли их! — прокричал Фридерик де Бриен, и несколько других рыцарей поддержали его.

— Ну, чего вы орете? Если вы пришли с миром, то подождите немного, пока сюда придет капитан стражи. Я уже послал за ним, — ответил стражник с башни.

Ждать действительно пришлось недолго. Вскоре на башне появился высокий темноволосый мужчина без шлема и сразу спросил:

— Что за ополчение собралось под стенами Шалона? Я вижу знаки Шампани и надеюсь, что вы не враги.

— Мы не враги вам. Мы друзья и пришли с миром из Труа, — раздался хор голосов снизу.

— Кто командир этого отряда? — спросил темноволосый.

— Опясаный рыцарь Гуго, шателен Пейна. А с кем говорю я? — спросил де Пейн, подъехав почти к самым воротам.

— Эдгар де Клерер, капитан стражи Шалона к вашим услугам. Куда и по какому делу вы следуете при оружии через земли герцогства Бургундского? — прокричал человек на башне.

— Мы направляемся в Арагон на войну с маврами, — ответил Гуго де Пейн.

— Тогда вы едете весьма странной дорогой, — воскликнул капитан городской стражи.

— В Аквитании неспокойно, поэтому граф Шампанский послал нас этой дорогой, ибо герцог Бургундский добрый его сосед, — объяснил командир шампанцев.

— А что вам нужно в Шалоне? — спросил капитан.

— Я везу письмо от графа Шампанского монсеньеру де Бресси, кастеляну Шалона, — прокричал Гуго.

— Я могу передать де Бресси ваше письмо, — сказал с высоты башни Эдгар де Клерер.

— Нет. Я уполномочен передать послание кастеляну лично, — возразил Гуго.

— Хорошо. Мы откроем ворота, но только двое из вас смогут въехать в город, — наконец согласился капитан.

— Я сам въеду в город, — крикнул снизу де Пейн.

— Въезжайте, — прокричал капитан с башни, затем отдал команду своим людям, и через пару мгновений ворота начали открываться.

— Эй, так не пойдет! — подал голос Эндрю де Бов.

— Мы тоже должны въехать в город, чтобы похоронить двух своих товарищей по-христиански, — поддержали де Бова другие шампанские рыцари.

— Ждите здесь. Надеюсь, я обо всем договорюсь с кастеляном, — сказал Гуго де Пейн, обернувшись к своим рыцарям, и въехал в ворота барбакана, которые сразу же закрылись за ним.

Въехав за ограду, Гуго спешил. Вокруг него собралось несколько солдат с пиками и сержантов с алебардами. Лица их не были враждебными. Обычные лица обычных военных людей. Смотрели на рыцаря из Шампани они с любопытством, как бы сравнивая его со своими начальниками. Но солдаты быстро разошлись по своим местам, потому что капитан Эдгар де Клерер спустился с башни и, пожав руку де Пейну, повел его к кастеляну.

Они прошли по мосту через ров, через ворота в частоколе и оказались на улице, ведущей мимо скромных, преимущественно одноэтажных, городских построек напрямик к замку, стоящему над речным берегом и отгороженному еще одним рвом от самого города, так, что получалось, будто замок стоит на острове.

Кастелян Шалона, отпрыск весьма знатного рода и дальний родственник шампанского графа по материнской линии, монсеньер Артур де Бресси, не так давно был назначен герцогом Бургундским управлять замком Шалон до тех пор, пока не

решился спор о наследстве покойного графа Шалона, умершего бездетным.

Одетый в коричневый бархат, монсеньер де Бресси, невзрачный на вид пожилой человек с большими седыми усами и ничего не выражающими, выцветшими голубыми глазами, принял Гуго де Пейна в небольшом зале на втором этаже донжона. Он сказал Гуго, что легкие кавалерийские разъезды, патрулирующие округу, уже заранее докладывали ему о приближении к городу отряда шампанцев, но он понятия не имел ни о цели их появления, ни о трагическом происшествии на дороге с Амбруазом де Руже и его оруженосцем. На вопрос Гуго де Пейна, не проезжали ли недавно через Шалон семь подозрительных всадников, один из которых, возможно, был ранен, кастелян ответил отрицательно, но при этом опустил глаза, что показалось де Пейну подозрительным.

Прочитав письмо графа Шампанского, кастелян Шалона обещал помочь с продвижением шампанцев на юг, но выяснилось, что ни у одного местного купца нет ни достаточного количества провизии, ни лошадей. И с этим предстояло что-то решать. Времена отнюдь не благоприятствовали торговле.

Для начала де Пейн потребовал, чтобы его людей впустили в город хотя бы для похорон их товарищей. Кастелян дал согласие на въезд рыцарей и даже на размещение их в городе на постой, но все оруженосцы должны были остаться за городскими стенами, дабы не тревожить горожан. Гуго, нехотя, это условие принял.

Первым делом по прибытии в Шалон шампанские рыцари занялись похоронами де Руже и Бертольда. Жители маленького городка шарахались в стороны, едва завидев на улице угрюмых хорошо вооруженных незнакомых всадников, между связанными вместе лошадьми везущих два мертвых тела.

Амбураза де Руже, завернутого в рыцарский плащ, и его оруженосца положили рядом в местной маленькой деревянной церкви. Эндрю де Бов взял свой шлем, перевернул его и поставил в головах у убитых. Каждый из рыцарей, отдавая последний долг погибшим, поочередно клал в шлем что-нибудь ценное. Кто-то золотую монету, кто-то серебряную, кто-то кусочек золотой цепи или кольцо. Таков был обычай в дружине графа Шампанского. Все собранное сразу же передали старому приору церкви, чтобы оплатить похороны, гробы и мессу за упокой души каждого убиенного.

То ли оттого, что собранная сумма набралась довольно приличная, то ли от страха перед гневом гостей, все было сделано хорошо и быстро, и тела предали земле на закате тем же вечером. Капеллан отряда впервые исполнил свои духовные обязанности, прочитав молитвы над убитыми Амбуром де Руже и его оруженосцем.

До глубокой ночи шампанские рыцари сидели в харчевне при местной маленькой гостинице и пили вино, поминая погибших. И никто из местных жителей, кроме хозяина заведения, который прислуживал за столом сам, не рискнул приблизиться к ним.

После поминальной попойки на утро настроение у шампанцев было хуже некуда. Чтобы не терять времени, Гуго хотел немедленно купить все имеющееся на складах продовольствие, но оказалось, что накануне появления шампанских рыцарей в Шалоне, кто-то опустошил и предал огню городские склады и увел из города всех запасных лошадей.

Гуго де Пейну снова пришлось идти к кастеляну и требовать объяснений. Монсеньер де Бресси был удручен и подавлен.

— Возможно, это сделали люди короля, — после долгих колебаний сказал он, опустив глаза, — но зачем они сделали это, я не могу знать.

— Что еще за люди короля? — спросил Гуго.

— Королевский отряд. Они два дня назад останавливались здесь, — сказал кастелян.

— Но вы же сказали, что никакие всадники не проезжали через Шалон. А, между тем, на дороге убили нашего товарища, и мы ищем его убийц. Вы солгали, монсеньер, — произнес обвинение де Пейн. Де Бресси не стал возражать, глядя в пол, он произнес:

— Вы, сударь, спрашивали о семи подозрительных всадниках, а людей короля было восемь, и они вовсе не выглядели подозрительно. Их вел благородный барон Александр де Ретель, и он показал мне подорожную с особыми полномочиями, подписанную самим королем и скрепленную большой королевской печатью.

— И что же эти люди хотели в Шалоне? — спросил де Пейн.

— Они искали вас, шампанцев. Поэтому я и не хотел говорить вам о них. Они просили меня задержать шампанский отряд из трех десятков всадников, которые в ближайшие дни, возможно, проедут через Шалон. Но я отказал им. Я сказал, что у меня маленький гарнизон, и поэтому я не располагаю достаточными силами, чтобы задержать такой большой отряд. А если бы даже и располагал, то все равно ничего не стал бы предпринимать до распоряжения своего сюзерена, герцога Бургундского, ведь нынешний граф Шампанский его добрый сосед.

— И по какому же поводу люди короля хотели нас задержать? — спросил командир шампанского отряда.

— Барон Ретель сказал, что речь может идти о заговоре против французской короны, — промямлил де Бресси.

— Надеюсь, вы не поверили в этот бред? Мы направляемся на войну с маврами, и нам нет никакого дела до заговоров, — сказал Гуго.

— Вот и барон сказал, что вы, якобы, направляетесь в Арагон на войну с маврами, а на самом деле, весьма вероятно, являетесь тайным посольством для заключения военного союза Шампани с Бургундией, Тулузой и Аквитанией против короля Филиппа, — сказал кастелян.

— Что за чушь! Откуда только они взяли такое предположение? — воскликнул де Пейн.

— Этого я не знаю, но, когда я отказался помочь им, барон впал в бешенство. Он перевернул обеденный стол и схватился за меч, но, увидев, что за моей спиной людей значительно больше, плюнул в мою сторону и в ярости ускакал, обещая вернуться и наказать нас. Наверное, тогда он и приказал ограбить и сжечь склады и увести лошадей из конюшен. По правде сказать, эта последняя выходка барона переполнила чашу моего терпения, и я решил сейчас все рассказать вам, ведь, в конце концов, граф Шампанский приходится мне троюродным братом по матери, — сказал де Бресси.

— Как бы там ни было, монсеньер, теперь мы не сможем вовремя выполнить поручение графа, потому что без свежих лошадей нам придется ехать гораздо дольше, да и припасы были бы весьма кстати, — проговорил Гуго.

— Ага, вот вы и проговорились, шевалье. Так, значит, барон Ретель был не так уж не прав, и вы действительно выполняете какое-то поручение, а поход на войну для вас только повод? — произнес кастелян. Взгляд де Бресси сделался пристальным, и в глазах появился недобрый огонек. Он ждал объяснений, и Гуго решился немного приоткрыть тайну их путешествия. Другого выхода он сейчас не видел. Глядя прямо в выцветшие глаза усатого ветерана, молодой рыцарь сказал:

— Да, наш отряд выполняет особое поручение графа Шампанского, но это совсем не то, что вы думаете, монсеньер. Мы едем в Арагон, чтобы освободить из плена одного близкого

графу Шампанскому человека. И время не терпит. Если мы не успеем до начала лета, то этого человека продадут в рабство, и граф навсегда потеряет его.

— И кто же этот человек? — спросил де Бресси.

— Простите, монсеньер, но этого я вам не могу сказать. Но, я даю вам честное слово христианского рыцаря, что ни к каким заговорам против короля, или кого бы то ни было другого, наше задание отношения не имеет, — сказал Гуго.

— Почему я должен вам верить, мессир? Не лучше ли мне действительно арестовать вас? — произнес усатый кастелян, внимательно разглядывая шампанского рыцаря.

— Поступайте так, как велит вам сердце, но, предупреждаю, рыцари графа Шампанского станут сопротивляться аресту, — сказал де Пейн.

Повисла напряженная тишина. Кастелян Шалона некоторое время раздумывал. В эту минуту этот человек делал трудный выбор, наконец, после долгой паузы он произнес:

— Что ж, я поверю вам и даже помогу. В замке есть еще пятнадцать запасных коней. Три я оставлю себе, надо же и нам на чем-то ездить, а остальных двенадцать можете взять. Но не бесплатно, разумеется, иначе мне будет нечем заплатить плотникам за ремонт складов, попорченных людьми короля. Господь миловал нас, и склады удалось спасти. Начавшийся пожар потушили горожане. Поэтому, сударь, кое-какую провизию я смогу вам выделить.

Весь вечер и половину ночи рыцари готовили свежих коней к походу. Кони оказались норовистыми и не особенно желали слушаться новых хозяев. Наконец, к ночи подготовку к следующей части похода закончили, поспали, и с рассветом всадники неспешной рысью поскакали по дороге вдоль реки Соны. Отряд рыцарей графа Шампанского, возглавляемый Гуго

де Пейном, продолжил путь на юг почти без опоздания.

Шампанские рыцари отправились из Шалона вовремя. Они не знали, что после того, как их кони скрылись за поворотом, в Шалон явился большой королевский отряд, снятый бароном Ретелем с одной из ближайших застав, и жестоко расправился с кастеляном за непослушание людям короля. Долго еще, на радость голодным птицам, труп монсеньера де Бресси раскачивался под ветром, подвешенный к балке снаружи главной замковой башни.

Глава 3. Путь на юг

На рассвете третьего дня брат Адамус поднялся на вершину холма, у подножия которого шампанцы провели последнюю ночь. Прозрачный воздух весеннего утра, наполненный свежестью реки и запахом весенней земли, позволял охватить взглядом широкое пространство. На востоке из-за снежных вершин Альп вставало солнце, на западе проступали в легкой дымке очертания гор Центрального массива, но монах смотрел на юг, туда, куда предстояло добираться отряду.

Впереди огромным зеленым ковром лежала долина Лионне, по которой несла свои воды широкая Рона. Замки на холмах Фурвиер и город Лион охраняли вход в этот край со стороны севера. Когда-то через эту долину Цезарь водил в Галлию свои грозные легионы. А сколько завоевателей проходило здесь после римлян! И вот теперь маленький отряд рыцарей из Шампани двигался этим путем к предназначенной им цели. И он, монах, по странному стечению обстоятельств, шел с этим военным отрядом.

Но не любоваться окрестностями поднялся на холм брат Адамус. Здесь, на вершине холма, лежали пророческие камни древних друидов. Ибо не простым был тот холм, молчаливый

свидетель ушедших эпох: древняя сила все еще питала его. Несколько грубо обтесанных глыб, казалось бы, в беспорядке положенных друг на друга, все еще несли на себе полустертые временем магические знаки.

Христианский монах Адамус положил ладони на главный камень, и его не пугало, что камень этот языческий. Ибо брат Адамус знал, что Господь был всегда, пусть даже ушедшие эпохи именуется языческими ныне, но и в них был Свет, а не только Тьма, как многие считают ошибочно. Ведь если бы была только Тьма, то везде властвовала бы лишь смерть, следовательно, не было бы на всей земле ничего живого, и никто из людей не дожил бы до проповеди Христовой.

Камень почувствовал, что человек, подошедший к нему, один из немногих, кто не утратил еще умения слушать голос земли и разговаривать с волшебными камнями. И камень ответил монаху теплом. С помощью магического камня, с помощью этого древнейшего, но, вместе с тем, простого ментального инструмента брат Адамус пытался прочувствовать дальнейший путь отряда. Закрыв глаза, впитывая силу камня, монах видел своим внутренним зрением весь предстоящий отряду путь сверху, на всем его протяжении, и пытался определить опасности явные и сокрытые. Но многое на этом пути выглядело неясным, многое таилось под серым туманом или преломлялось бесчисленными вариантными отражениями возможного развития событий. Приходилось задавать через камень мысленные вопросы. И огромный камень отвечал монаху и делился с ним неведомым никому, кроме магов, теплом своих недр.

Так, стоящим с закрытыми глазами около странного камня на вершине холма и нашел монаха Гуго де Пейн, когда пришло время отряду трогаться в путь: молодой командир отряда посчитал, что монах просто молится, опираясь о камень.

...Старинная, проложенная еще римлянами, дорога с каждой пройденной милей становилась все хуже, все реже попадались признаки человеческого жилья. И чем дальше они продвигались, тем больше нарастало беспокойство в душе де Пейна. Вернулись мрачные предчувствия, которые владели им в начале пути. Гуго не понимал как, но он точно знал, он чувствовал, что впереди, и уже совсем близко, их поджидает опасность, и им не миновать встречи с ней. Да и брат Адамус почему-то все чаще молча молился, по своему обыкновению, закатывая глаза.

Везде, где проезжал отряд шампанских рыцарей, картина была схожей. Редкие деревеньки, состоящие из ветхих хижин, казались необитаемыми, поля выглядели заброшенными, заболоченные долины тянулись на многие лиги, а среди густых лесов, скрывающих склоны холмов и гор, торчали угрюмые замки местных сеньоров. Не менее угрюмо выглядели и монастыри, где за высокими стенами монахи скрывали жалкие остатки наук и немногие осколки искусств. От просвещенной античности не сохранилось почти ничего. Но мало что осталось и от бывшего величия империи Карла Великого, гениального создателя, сумевшего остановить разрушение и кровопролитие, не прекращавшиеся до этого в Европе много веков. Но наследие великого императора разгромили распри его же потомков и приплывшие с севера викинги.

Попытка императора Оттона возродить былое величие державы Каролингов повлекла за собой только новый откат назад. Разрушение опять восторжествовало. Династия Каролингов угасла, и осталась от нее лишь вечная память. Но и это был уже великий знак, ибо в ту эпоху, когда книг почти не писали, и опыт предыдущих поколений передавался простыми людьми лишь устно от отца к сыну, на века

запоминали только действительно самое выдающееся.

За последние столетия королевская власть повсюду в Европе ослабла весьма значительно. Местные деспоты разного рода и разной силы вновь, в который уже раз, поделили между собой пространства, когда-то принадлежащие Великому Риму, безнаказанно чиня произвол в своих владениях и устраивая набеги на соседей. И повседневное насилие отражалось на жизни всех. Люди боялись друг друга почти так же, как боялись они диких хищников. Никто не чувствовал себя в безопасности.

Движение жизни ощущалось лишь в городах, окруженных от разграбления высокими, хорошо охраняемыми, стенами и башнями. Хотя и стены, и башни спасали горожан далеко не всегда. Города тоже переживали упадок. Торговля между различными территориями из-за постоянных опасностей на дорогах сделалась весьма затруднительной, ремесла не были востребованы в должной мере, и развития городов не происходило. Обычные горожане едва-едва поддерживали свое существование, выменивая за ремесленные изделия продовольствие в ближайших деревнях, а городская знать несла тяжелое бремя затрат на строительство укреплений и содержание войск. Наверное, потому в городах улицы оставались грязными, мрачными и узкими, а зловонные сточные каналы, прорытые вдоль улиц, постоянно грозили горожанам эпидемиями. Только одна единственная главная улица или главная площадь иногда была вымощена булыжником или застелена дощатым настилом, остальные же в дождь превращались в сплошное месиво из грязи, а в сухую погоду — в постоянный источник пыли.

Сельская местность тоже выглядела весьма уныло. Новых дорог и мостов почти не строили, пользуясь сохранившимися со времен Великого Рима и эпохи правления Каролингов. В деревнях люди жили вместе со скотом в жалких лачугах с

земляным полом и соломенной крышей. При приближении любых вооруженных всадников крестьяне, обычно, разбежались и прятались. Запуганные до крайности, они плохо обрабатывали землю, а их грозные хозяева тоже прятались от себе подобных за толстыми стенами своих мрачных замков.

Плохое предчувствие Гуго де Пейна объяснялось еще и тем, что если до этого он, как командир отряда, чтобы избежать лишних неприятностей, с помощью двух своих проводников и неизменного советника брата Адамуса мог выбирать пути, удаленные от замков, застав и опорных пунктов местных владетелей, настроение которых по отношению к Шампани было неизвестно или враждебно, то теперь такой возможности больше не было.

Глава 4. Графская охота

... Тропинка на краю болота внезапно оборвалась, упершись в непроходимую топь, рыцарям пришлось снова вернуться на основной тракт, и они давно уже ехали по открытому месту, почти ничем не поросшему. Видимо, раньше на месте этой пустоши были крестьянские поля. С одной стороны пустошь ограничивали отроги гор, а с другой продолжалось все тоже болото. Дорога шла как раз посередине. Ближе к горам кое-где по-прежнему виднелись столбы виселиц.

Внезапно где-то впереди зазвучали рога. Де Пейн приказал отряду остановиться, вооружиться, надеть шлемы и выжидать. Шампанские рыцари застыли в седлах. Лица их напряглись. Их лошади нервно переступали с ноги на ногу и дергали ушами. Ничего хорошего звуки рогов в этой мрачной местности означать не могли.

Вскоре звуки рогов повторились значительно ближе, и из-за ближайшего горного отрога вылетела охота. Стучали

копытами кони. Трубили рога. Свистели в воздухе арканы и плети. Бешено лаяли огромные собаки. Но охотники гнались не за дичью. Сердце де Пейна похолодело, когда он увидел, что охотники гонятся за бегущими людьми.

Убегающих было трое, а гнались за ними не менее тридцати всадников. И беглецов как раз настигали. Вот один из них поскользнулся и упал, и псы тут же догнали и накинулись на него. Но он сумел подняться и расшвырять нескольких остервенелых псов, отбиваясь от свирепых собак мечом. По точным движениям этого человека было видно, что он опытный воин. Но передний охотник на высоком гнедом коне на всем скаку пронзил его в спину копьем. Человек бессильно всплеснул руками и, словно тряпичная кукла, рухнул лицом вниз, и яростные собаки тут же принялись терзать поверженного. Но двое других преследуемых все еще продолжали бегать.

Взгляды шампанских рыцарей устремились на Гуго. Всем стало ясно, что настал момент, когда командиру отряда надлежало действовать решительно. И Гуго решил и громко произнес:

— Кем бы ни были те бегущие и их преследователи, мы должны прекратить эту бесчестную травлю. Во имя Господа нашего и славы Шампани, остановим произвол! Поднимайте щиты, опускайте копыя, трубите в рога! Вперед же, добрые рыцари! За Шампань!

— За Шампань! — ответил де Пейну хор голосов.

И через минуту бешеной скачки отряд рыцарей графа Шампанского перерезал дорогу неизвестным охотникам, железной изгородью из острых наконечников нацеленных копий отгородив их от такой уже близкой добычи. Охота расстроилась. Взмывшие кони на всем скаку остановились, взлетев на дыбы. Собаки завывали и зарычали, а преследуемые

укрылись за спинами неожиданных спасителей, сели на землю, и, тяжело дыша, переводили дух.

— Кто посмел встать у меня на дороге? — спросил громоподобным голосом широкоплечий человек, сидящий на великолепном высоком гнедом жеребце. Полумаска дорогого позолоченного шлема скрывала большую часть лица всадника. Был виден только массивный подбородок и кривящийся от гнева рот в обрамлении тонких губ. Развевался по ветру вышитый золотом плащ, сверкали самоцветы на сбруе коня. Именно этот знатный рыцарь только что заколол копьем в спину одного из бегущих. Но де Пейн не растерялся. Он гордо поднял голову и с достоинством произнес:

— На вашем пути, кто бы вы ни были, встал отряд благородных рыцарей из Шампани. Потому что, устроив травлю собаками этих людей, вы поступили не похристиански. Мы же направляемся в Испанию на войну с неверными маврами, и всех встречных, кто поступает не похристиански, призываем к ответу, как и подобает по правилам рыцарской чести.

— Да знаешь ли ты, дерзкий, с кем разговариваешь? Перед тобой граф Жиром Жеводан. Я нахожусь на своих землях, и здесь только я один призываю к ответу. По твоемуговору я слышу, что ты такой же франк, как и я. Поэтому, назови свое имя, и, если титул позволяет тебе, мы сразимся с тобой один на один. Кто первый из нас упадет с коня живым или мертвым, тот и проиграл. Мне дороги жизни моих людей, а силы наших отрядов, как я вижу, примерно равны. Обещаю, что если победишь ты, то сможешь проехать беспрепятственно через мои земли. А если проиграешь, то твой отряд разоружится и сдастся на милость победителя. Как видишь, я предлагаю условия согласно кутюмам¹⁰ рыцарской чести, о которых ты изволил упомянуть. Так назови же себя.

— Меня зовут Гуго де Пейн, я опоясанный рыцарь, шателен Пейна, и я командую этим отрядом. Других титулов у меня нет, — честно назвался де Пейн.

— Никогда не слышал я ни о каком Пейне. Наверное, зловонная дыра, каких мало. — разочарованно протянул граф, и добавил:

— Жаль, судя по вооружению твоего отряда, я решил, что его командир должен быть, по меньшей мере, бароном. Но я ошибся. С простым рыцарем я драться не стану. Это не прибавит мне славы. Эй, дружина! Зададим-ка этим северянам жару! Копья к бою! Нацельте стрелы и спустите собак!

И тут же, по команде псарей, страшные собаки рванулись вперед с яростным лаем, но, через пару мгновений с рычанием откатились, наткнувшись на, встретившие их, острия добротных шампанских копий. Де Пейн не стал мешкать, с криком «Господь за Шампань!», с места он пустил лошадь в галоп и, подставив свой большой желтый щит первым летящим стрелам, устремился вперед, нацелив копьё прямо в грудь графа Жеводана.

Граф тоже пришпорил своего скакуна. Но, то ли рыцарский конь графа внезапно испугался, то ли граф, более привычный к медленной езде по горным тропам, на равнине не был умелым наездником и слишком сильно натянул уздечку, то ли просто какое-то злое насекомое внезапно укусило скакуна, но в самый решительный момент графский конь, вместо того, чтобы ринуться навстречу противнику, встал на дыбы и забил воздух передними копытами. Никто и не заметил, как за мгновение перед этим, остановивший своего коня позади рыцарей, монах Адамус что-то прошептал про себя, направив свой пастушеский посох в сторону графа.

Разогнав свою лошадь, де Пейн не мог уже остановиться, и его длинное ясеневое копьё глубоко вошло в грудь красивого

гнедого коня графа, прежде, чем сломалось. С диким ржанием, смешанным с предсмертным хрипом, конь графа повалился на левый бок, подминая под себя седока. Но, в последний момент, Жиром Жеводан, проявив неожиданное проворство, все же сумел высвободить ноги из стремян и спрыгнуть с лошади, поэтому и остался цел.

В то же мгновение дружинники отгородили своего повелителя от удара шампанцев. А этот удар стал для многих смертельным: вслед за де Пейном в атаку ринулись лучшие рыцари графа Шампанского, и их копыта безошибочно нашли свои цели. Семеро дружинников графа Жеводана слетели с коней мертвыми, еще четверо были ранены. Начался ближний бой. Копья отбросили, и в ход пошли мечи. Стальные клинки встретились в воздухе и зазвенели, застучали о дерево щитов.

Синие плащи шампанских рыцарей быстро смешались с бурными кожаными камзолами дружинников графа Жеводана. Вскоре и те, и другие окрасились кровью. Но на синих плащах кровь, преимущественно, была чужая.

Видя свои потери, граф Жеводан, уже сидя в седле запасного коня, затрубил в рог, приказывая дружинникам отходить. Но это было непросто. Шампанцы наседали крепко, и графу, чтобы задержать их, пришлось оставить для прикрытия добрую половину своих бойцов. Остальные поскакали вслед за графом Жеводаном обратно за тот же горный отрог, из-за которого совсем недавно и появилась вся эта злополучная графская «охота», закончившаяся бесславным бегством. Только теперь назад возвращались меньше трети «охотников». Вторую треть добивали шампанские рыцари, а третья уже вся полегла.

Когда граф со своими людьми скрылся из виду, его дружинники, прикрывающие бегство своего сюзерена, попав в окружение и видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, опустили оружие и сдались. Пленных

оказалось всего двенадцать. Четверо из них были ранены. Остальные люди графа, кроме тех, что спаслись бегством, были убиты. Девять человек в кожаных камзолах лежали на земле без движения.

Гуго де Пейн осмотрел свое воинство. Во всем его отряде раненых оказалось лишь двое, да и те получили легкие раны. Убитых не было. Теперь сомневаться не приходилось. Граф Шампанский действительно послал в этот поход лучших своих бойцов.

Де Пейн приказал пленным разоружиться и оставить коней, затем взял с них слово не причинять вреда добрым христианам и пешими отпустил по домам. Но сначала он велел им похоронить своих убитых товарищей. Отряду не нужна была лишняя обуза, ведь пленным придется всю дорогу охранять и кормить, а вот лишние кони и запасное оружие в дороге еще пригодятся.

Со смешанными чувствами де Пейн рассматривал место недавнего боя. Эндрю де Бов, Фридерик де Бриен, Озерик де Трифе и другие рыцари графа Шампанского и их оруженосцы, еще совсем недавно проявившие в стычке с дружинниками графа Жеводана настоящую доблесть, теперь, словно обычные грязные мародеры, под неодобрительными взглядами оставшихся в живых разоруженных дружинников, монаха Адамуса и проводника Якова, срывали с убитых врагов золотые цепи, браслеты и кольца, не гнушаясь даже непопорченными в бою обувью и одеждой. Насколько же все-таки грубы эти люди...

Из всех воинов де Пейна один только англичанин, Хромой Джек, Джеральд Уильям Ридженальд третий, молча стоял, скрестив на груди руки и вглядываясь в перистые облака на западе, да молодой Франсуа де Шонэ, присев в сторонке, выворачивал наружу свой желудок, не выдержав вида крови и

смерти, ведь для юноши это был первый настоящий бой...

Глядя на Франсуа, де Пейн вспомнил себя самого, скользнув мыслью за пелену пережитого. В отличие от Франсуа, свой первый настоящий бой он проиграл бесславно. До сих пор Гуго отчетливо помнил, как трусливо спасался он бегством от многочисленных противников. Но что он мог сделать тогда один против пятидесяти, когда все его товарищи были уже мертвы? Было ли то бегство таким уж позором? И кому было бы лучше, погибни он тогда? К тому же, он был ранен, истекал кровью...

Неприятное воспоминание юности промелькнуло перед мысленным взором Гуго, и он еще раз бросил взгляд на раздетые уже трупы дружинников, которых их товарищи оттащивали с дороги, намереваясь приступить к нехитрым солдатским похоронам в открытом поле. Какой это был бой в его жизни? Он давно потерял счет. Просто снова перед ним кровь и смерть.

Почему они все время вынуждены убивать? Неужели нельзя наладить отношения между людьми так, чтобы никто не пускал кровь друг другу? Неужели же люди подобны диким зверям? Волки. Нет, хуже, много хуже. Разве стая сытых волков будет гнаться за оленями лишь ради развлечения, чтобы с радостью растерзать их просто так, а вовсе не ради того, чтобы утолить голод? А что же граф Жеводан? Почему же он поступает хуже, чем волк? Где его доброта и христианское милосердие? Вот она тьма, о которой говорят аббат Мори и монах Адамус. И неужели возможно смирение перед таким произволом? Неужели нужно подставить врагу другую щеку? Нет, он, Гуго де Пейн, гораздо охотнее подставит копьё или меч...

Несмотря на одержанную в стычке победу, настроение у Гуго совсем ухудшилось. Не прибавило ему оптимизма даже то, что он услышал, как за его спиной, набравший вдоволь

трофеев, Эндрю де Бов сказал Фридрику де Бриену: «А хорошо, черт возьми, наш командир завалил графского жеребца! И, клянусь всеми святыми апостолами, если бы конь не встал на дыбы, на добром шампанском вертеле оказался бы сам граф! Молодец, командир, хоть и молод, но опытен, сразу видно, что бывалый боец. Я, признаться, даже и не ожидал от него, поначалу, такой прыти».

Граф Жеводан... Ох, не оставит теперь этот граф шампанцев в покое... Не оставит... Хищники о двух ногах просто так не отступают...

Его мысли прервал какой-то человек, подошедший к луке седла и, низко поклонившись, сказавший:

— Огромное вам спасибо, монсеньер. Вы спасли нам жизнь. Уверен, что наш господин щедро вознаградит вас.

Перед де Пейном стоял один из тех двоих, которые еще так недавно служили «дичью» на графской «охоте». Человек был в кольчужных доспехах, но не носил каких-либо рыцарских знаков. Он был немолод, седоват, худ и высок, а длинный зазубренный меч, висящий без ножен в петле на поясе, и старые шрамы на вытянутом лице говорили о том, что переделок он повидал за свою жизнь немало.

— Как вас зовут, кто ваш господин и почему они гнались за вами, называя преступниками? — спросил Гуго.

— Меня зовут Роже Вен, а второго из нас — Анри Люш. Ему ваш монах сейчас перевязывает рану, и поэтому Анри не может пока подойти, чтобы поблагодарить вас. Мы разведчики Раймонда де Сен-Жиль, графа Тулузского, граф Жиром Жеводан его лютей враг. И наше преступление состоит в тайном проникновении в эти земли, которые граф Жеводан присвоил себе. Поэтому этот Жиром так рассвирепел, когда обнаружилось, что мы подобралась к самому его логову. Вот он и решил поразвлечься: самолично устроить за нами охоту.

Нас было пятеро, но троих они убили. Сначала из луков они расстреляли наших коней... Советую вам, милостивейший монсеньер, скорее уходить отсюда. Ведь теперь граф Жиром Жеводан станет охотиться за вами, а войско у него большое. Жаль, что вы не убили этого Жиром.

— На все воля Божия, друг мой. Но вправе ли мы убивать подобных себе по своей прихоти? Ведь все люди — дети Господни, и в каждом человеке есть крупица добра и света Божественного, — сказал де Пейн.

— Милостивый монсеньер, но этот граф скорее исчадие ада, чем человек, — возразил разведчик графа Тулузского, — много лет назад Жеводан заманил к себе в гости и вырезал всю семью своего родственника, маркиза Готии, и с тех пор пытается захватить власть во всем маркизате. Граф Руэрг из последних сил противостоит ему, но у Руэрга почти не осталось войск, и он просит помощи у нашего господина, графа Раймонда де Сен-Жиль. Потому мы и были посланы в эту разведку. Наш господин хорошо понимает, что если не остановить этого Жеводана, многие христиане пострадают. Вы видели виселицы вдоль дороги? Так вот, чтобы нагнать на соседей побольше страха, граф Жеводан вешает всех, кто осмеливается без его разрешения входить в эти земли. Просто входить. И нет ничего доброго в этом человеке.

Глава 6. Опасности похода

...Засыпая, брат Адамус вспоминал последний разговор со своим духовным наставником, с великим магистром тайного ордена, известным людям из отряда Гуго де Пейна под именем аббата Мори.

— Это очень опасный поход, брат, — сказал тогда наставник монаху.

— Я знаю, и я готов к опасностям. Ради дела Света я готов на все, — произнес брат Адамус.

— Что ж, это твой выбор. Никто из нас не вправе заставить тебя идти с этим отрядом, ибо, ты знаешь, что Свет не заставляет, а шансов на успех мало. Посему, спрашиваю тебя еще раз: прислушался ли ты к голосу своего сердца? — задал вопрос аббат Мори.

— Мое сердце с тобой, Учитель, и с теми, кто тобой послан на битву с тьмой. Все эти годы я готовился. И вот, час настал. Я пойду с отрядом шампанских рыцарей. И чем бы ни кончилось для меня это путешествие, я готов принять все безропотно во имя Господа и Света Его, — сказал Адамус. Великий магистр смерил монаха взглядом и напутствовал:

— Хороший ответ, брат. Эти рыцари люди суровые и бесстрашные. Мало что из проявленного в мире Земли способно остановить их. Даже те, кто идет неявными тропами темного мира вряд ли решатся напасть на них в открытую. Но знай: с самого начала похода тьма обязательно пойдет по пятам за ними. Потому и выбран обходной путь. Потому и говорю тебе, что будет опасно. В том месте, куда отряд направляется сейчас нет ничьей явной власти. Парижский паук власти еще не дотянулся туда, тулузский тоже. Что-то мешает им. Возможно изнутри какая-то сила противостоит их влиянию. Что там такое, вам, возможно, и предстоит выяснить. Я уверен, ты сможешь понять, что кроется там под серым туманом. И это знание тоже будет полезно Свету. В пути будь осторожен и береги себя. Предупреждай де Пейна об опасностях заранее, и оберегай его, насколько сможешь. На него и на его оруженосца можно полагаться. Джеральд по прозвищу Хромой Джек простой малый с виду, но он хранит тайны светлых друидов, а ты знаешь, откуда они пришли и остатками какого народа были. Все остальные в отряде лишь мышцы. Мощные,

тренированные, но без головы они — ничто. А голова там — де Пейн.

— Этот де Пейн, он тоже наш? Он из Братства? — спросил монах.

— Он пока не посвящен, он еще Озирающийся, но я приоткрыл перед ним завесу неведения, и он уже в начале Пути, ибо Маяк горит в его сердце с самого рождения. А ты знаешь, как мало теперь рождается людей, у которых в сердце зажжен Маяк. Потому и прошу тебя оберегать его, — сказал аббат.

— Я сделаю для его безопасности все, что будет возможно по силам моим, — смиренно произнес Адамус.

— Спасибо, светлый брат мой. Нужно проложить путь до Срока и удержать его, чтобы тьма не опередила нас и не перерезала дорогу. Сейчас Срок настал, и тайные знаки откроются тому, кто способен их разглядеть. А ты как раз из тех немногих, кто на это способен. Будем надеяться на Господа, и молиться за тебя и за весь отряд, — произнес великий магистр.

— Спасибо, Учитель. Я постараюсь сделать все, что смогу. План Братства мне ясен, и тайная задача понятна. Но какова будет моя явленная роль в отряде? — спросил монах.

— Ты пойдешь с ними в качестве капеллана и лекаря, если потребуется. Какой же отряд благородных воинов обходится без духовника? Но внешнее твое предназначение оставим для рыцарей. И да прибудет с тобой Свет Господа, брат! — сказал аббат Мори.

Таким образом, великий магистр тайного братства, известный де Пейну под именем аббата Мори, дал брату Адамусу очень важное поручение, от успешного исполнения которого, возможно, зависел ход событий всей дальнейшей истории человечества. К Свету или к Тьме в последующие годы склонятся чаши весов равновесия на Земле? Будут ли люди и

дальше пребывать в невежестве во мраке «темных веков», или доброта, тяга к Свету, любовь и стремление к Возрождению знаний начнут просыпаться в них? Сейчас это зависело и от действий брата Адамуса. Сейчас он оказался на самом переднем крае битвы Вселенских Сил, и ему предстояло либо выполнить порученное, либо погибнуть. Но разве не к этому шел он сознательно всю свою жизнь?

Глава 9. Магия смерти

... Жестом граф Жеводан подозвал оруженосца и приказал:
— Трубите отбой. Пусть пока все отдохнут.

Отдав приказание, граф слез с лошади, и, повернувшись ко всем прибывшим спиной, скрылся в своем шатре.

Граф Жеводан был разозлен до крайности. Он не находил себе места и не знал, что же предпринять для восстановления своего авторитета. Чтобы обдумать свое положение и принять, наконец, какое-то решение, граф жаждал уединения. Но и внутри шатра он был не один. Графа в шатре уже ждали. Там, на дорогих атласных подушках, набитых мягчайшим гусиным пухом, восседали его важные гости — посланник самого короля Филиппа Капета барон Ретель и прибывший вместе с ним священник.

— И неужели вы дадите им уйти? — подзуживал графа, непринужденно развалившийся на мягких подушках, прискакавший на рассвете, барон Ретель.

— А что я могу сделать? Они перешли болота и уничтожили за собой гать! — тяжело опустившись в подушки зарычал на барона граф.

— Так скачите в обход. Неужели нет дороги вокруг этого леса? — не унимался барон.

— Есть, но, во-первых, она слишком длинная, во-вторых,

она идет напрямиком в земли, занятые моими врагами, а, в третьих, я не могу знать, с какой стороны выйдут и куда направятся из этого проклятого леса эти ваши чертовы шампанцы, — сказал граф.

— Насчет третьего, могу подсказать, вот карта. — Барон Ретель развернул перед графом большой разноцветный пергамент и ткнул в него пальцем.

— И все же, ваша карта, барон, не дает мне никаких гарантий. Ради восстановления чести я, разумеется, готов загнать пару сотен лошадей и смести несколько передовых постов графа Тулузского, но если это будет впустую... — прорычал граф Жеводан, сверкая на барона гневными угольками черных глаз.

— Мне понятны ваши сомнения, граф. Но все не так плохо. Со мной прибыл один человек, который может помочь нам. Он знает, где находятся заговорщики. Он священник, и сам Господь подсказывает ему. Благодаря этим подсказкам мы и идем по следу этих нечестивцев от самого Шалона, — терпеливо произнес барон.

— И где же этот святой человек? — поинтересовался Жеводан.

— Да вот же он. Эдуард Пиоре, дьякон из аббатства Сен-Дени к вашим услугам, граф, — ухмыльнувшись, произнес де Ретель.

— Ну и что вы скажете нам, святой отец? — спросил граф у священника без всякой надежды в голосе.

— Сейчас шампанцы находятся на краю леса по другую сторону болот и еще даже не вошли в него, — спокойно сказал дьякон.

— Откуда вы знаете? — восторженно спросил граф.

— Благодаря Господу, я установил мысленное наблюдение за беглецами и знаю, где они находятся, — смиренно сказал

церковник.

На самом деле дьякон не обращался к Господу Иисусу Христу. Он вообще никогда не обращался к Распятому в своих сокровенных мыслях, ибо другой тайный покровитель имелся у них с аббатом Ивом. Повелитель Темного Пламени, так звали его. И он был никак не слабее христианского Бога.

Касательно шампанцев, Эдуард Пиоре просто использовал магию крови, которой владел достаточно хорошо. Совсем недавно, на дороге, людям короля повстречались несколько крестьян. Чистые и достаточно добротные плащи, наброшенные поверх грязных лохмотьев, сразу показались подозрительными. Барон Ретель отдал приказ, и пешеходов тут же задержали, обыскали, допросили с пристрастием и затем за ненадобностью закололи, бросив тела у дороги.

Среди прочего у задержанных нашли и письмо. Оно было подписано Гуго из Пейна, командиром отряда рыцарей графа Шампанского. Этот документ казался зацепкой, и дьякон буквально вырвал письмо из рук барона Ретеля. Вот она, нить. Непрочная, но единственная, потому что письмо всегда несет на себе слабый отпечаток писавшего. И, что самое главное, на клочке пергамента, в левом нижнем уголке обнаружилось маленькое пятнышко крови. Какая удача!

С помощью магии мысли дьякон поймал тончайшее отражение ауры, оставшееся над пятнышком крови и осторожно схватился за этот след невидимыми клешнями своего сознания. Чтобы усилить воздействие, Пиоре начертил вокруг пятнышка на пергаменте письма несколько странных знаков, затем произнес несколько формул, настроился и сквозь капельку засохшей крови, наконец, увидел писавшего. Теперь сомнений не осталось: кровь на письме принадлежала самому командиру шампанского отряда, молодому рыцарю из Пейна.

Дьякон отрезал кусочек пергамента с пятном запекшейся

крови и погрузил его в маленький пузырек с особым зельем, составленным по тайному способу его наставником, аббатом Ивом. Затем Эдуард Пиоре попросил людей барона Ретеля поймать ворона, одного из тех, что сразу слетелись на падаль пировать на телах умертвленных крестьян. Ловкие молодые рыцари короля Филиппа быстро выполнили просьбу дьякона, и большая черная птица была поймана. Эдуард Пиоре сразу посадил трепещущую птицу в мешок. Отряд тронулся дальше, продолжая преследование шампанцев.

Теперь дьякону оставалось только найти подходящее место, источник Черного Пламени, дающего силы магической власти. И, вот удача, такое место оказалось совсем недалеко от дороги.

Замеченные Пиоре развалины церкви посреди сожженной деревни источали целый столб невидимого огня. Переговорив с бароном Ретелем, Пиоре ненадолго покинул отряд, объяснив свою отлучку необходимостью помолиться в развалинах церкви в полном уединении. Немного удивило барона лишь то, что дьякон взял с собой мешок с пойманным вороном.

— Зачем вам вообще этот ворон? — поинтересовался барон вслед дьякону.

— С его помощью мы узнаем, где находятся и куда движутся шампанцы. Я сотворю особую молитву, и ворон будет неустанно лететь за ними, а я смогу знать, где он находится, — честно сказал Пиоре.

— Что-то я не слышал о подобных молитвах, — пробормотал барон.

— Подобным молитвам меня научил мой наставник, аббат Ив. Молитвы способны творить настоящие чудеса. Нужно только уметь правильно молиться. Сейчас я помолюсь, благословлю эту птицу, потом выпущу ее, и Сам Господь поведет нас по следу врагов, — сказал дьякон из Сен-Дени.

— Что ж, молитесь, Эдуард. Мы же пока, если вы не

возражаете, отобедаем, — сказал барон Ретель. Он, как и большинство воинов во все времена, не был особенно набожным человеком, и, потому, в церковных обрядах разбирался весьма поверхностно. Но и ему показалось несколько странным поведение дьякона. Было в этом неулыбчивом молчаливом священнослужителе что-то зловещее, тяжелый взгляд, властность жестов, и какая-то скрытая угроза, весь он напоминал грозовую тучу, еще мирно плывущую по небу, но уже готовую в любой момент разразиться молниями. Не слишком нравился этот церковник барону, но король приказал во всем на него полагаться, а слово короля для Александра Ретеля было непререкаемо. К тому же, в походе священник оказался весьма неприхотливым спутником...

В развалинах старой церкви, среди обглоданных неизвестно кем человеческих костей, плясали языки невидимого черного огня. Наверное, здесь приносили человеческие жертвы, или просто ели трупы. Живые люди поедали своих мертвых собратьев, пробивая тем самым коридор в иной мир. В мир тьмы.

Глядя особым зрением на холодные потоки невидимого огня, дьякон вспомнил слова своего учителя, аббата Ива: «От Распятого не получишь благ мира земного, ни власти, ни денег, ни женщин, ни здоровья. От него не получишь ничего материального, потому что он враг материи. Я же выбрал того, кто, напротив, над материей властвует. Это как игра в шахматы, где друзья Распятого играют белыми, а мы — черными. Но, в отличие от Распятого, хозяин черных фигур дает своим игрокам все блага материального мира. И пусть сторонники Распятого называют моего бога Сатаной, но истинное имя его другое. Повелителем Темного Пламени зовут его, и к падшему ангелу он отношения не имеет, эту сказку друзья Распятого сочинили специально, чтобы унижить моего господина, ибо, на деле,

существует властелин мой от начала мира, и он ни в чем не уступает их богу. Ибо черные фигуры шахматной доски ни в чем не уступают белым фигурам по своим качествам, и разнятся от них только цветом. Напротив, черные фигуры сильнее, ибо в руках их власть над Темным огнем и над всем миром материи. А истинный Темный огонь и есть сама Тьма. Она древнее света и мощнее его, ибо ни один источник света не способен рассеять изначальную тьму космоса. И у Тьмы есть свой огненный мир. Мир черного ледяного огня, огня поглощающего. И пусть друзья Распятого говорят, что свет во тьме светит, и тьма не объяла его: придет время, и ледяное черное пламя поглотит весь свет космоса».

Маленьким стилетом из магической черной стали дьякон умертвил птицу и выпил ее кровь. Затем, вместо крови, с помощью специального инструмента, он влил птице колдовское зелье, в котором кусочек пергамента с кровью де Пейна благополучно растворился. После этого Пиоре произнес формулу заклинания, и птица ожила, расправила крылья, и, как ни в чем не бывало, взлетела и унеслась за болота. Все ее раны чудесным образом затянулись. И все же, это уже была мертвая птица, и магия смерти двигала ею. Теперь, чтобы ни случилось, эта птица будет следовать за де Пейном, где бы тот ни был, а дьякон сможет управлять ею на любом расстоянии, смотреть ее глазами и, даже, если повезет, кое-что слышать. К тому же, мертвой птице не нужны пища и сон, и усталости она тоже не знает...

Как развивались события дальше в испанском походе, вы сможете узнать, купив книгу.

Концевые сноски

¹ Симония — продажа и покупка церковных должностей или духовного сана, практиковавшаяся католической церковью в средние века. Явление получило название по имени иудейского волхва Симона, который пытался выкупить у Святого Петра дар творить чудеса.

² Инвеститура (*позднелат. investitura* от *лат. investio* — облачаю, *облекаю*) — в средневековой Европе юридический акт передачи земельного владения или должности, закреплявший вассальную зависимость и сопровождавшийся передачей какого-либо символического предмета (кома земли, посоха, кинжала, перчатки и т. д.) от сеньора к вассалу. Обряд передачи совершался после принесения клятвы верности. Символический смысл процедуры заключался в переходе обладания предметом от одного лица к другому. Инвеститура в этом смысле представляет собой акт отдаривания со стороны сеньора, который вручает вассалу собственность, в обмен на клятву вассала в верности. Особым видом инвеституры была церковная инвеститура, состоявшая в назначении на церковные должности и введении в сан. Она сопровождалась двумя актами: вручением посоха и кольца, символизирующих духовную власть, и передачей скипетра — символа светской власти.

³ Василевс — византийское наименование императорского титула.

⁴ Северная башня была снесена в ходе реконструкции аббатства Сен-Дени, проводимой аббатом Сугерием в 1137-1144 гг.

⁵ Инкунабула — старинная рукописная книга

⁶ Капеллан (лат. *capellanus*) — в Римско-католической Церкви: священник при часовне или домашней церкви, либо священник в армии.

⁶ Роменско — староиспанский язык, ладино — язык евреев Испании.

⁷ Шамбеллан — одна из важнейших должностей при дворе феодальных государей, был главным действующим лицом в церемонии принесения феодальной присяги, вел реестр должностей, являлся смотрителем имущества, апартаментов и гардероба.

⁸ Сенешаль — глава исполнительной власти при феодале.

⁹ Коннетабль — командующий войсками при феодале.

¹⁰ Кутюм — средневековый обычай, имеющий силу закона.